

Аверченко — Lurkmore

A long time ago, in a galaxy far, far away...

События и явления, описанные в этой статье, были давно, и помнит о них разве что пара-другая олдфагов. Но Анонимус не забывает!

БЛДЖАД!

Эта статья полна любви и обожания. Возможно, стоит добавить немного [критики](#)?

«Ей богу, плюнь ты на это дело, ведь сам видишь, что получилось: дрянь, грязь и безобразие.

Не нужно ли денег? Лир пять, десять могу сколотить, вышлю.

Хочешь — приезжай ко мне, у меня отдохнёшь, подлечишься, а там мы с тобой вместе какую-нибудь другую штукину придумаем — поумней твоего марксизма.

Ну, прощай, брат, кланяйся там!

Поцелуй Троцкого, если не противно.

Где летом — на даче? Неужели в Кремле?

С коммунистическим приветом,

Аркадий Аверченко.

»

— Ленину

Аркадий Тимофеевич Аверченко — винрарнейший писатель буквами, король смеха дореволюционной эпохи, дюжина ножей в спину революции, русский Марк Твен, злобный [мизантроп](#) и [чадолюбивый слюнтяй](#), несправедливый сатирик и сентиментальный юморист, живое воплощение чаяний русского [интеллигента](#): «[пусть всё будет по-новому, только чтоб ничего не менялось](#)». Родился при царе-Батюшке в 1880 году, умер в 1925 году от склероза почек^[1]. Большую часть жизни работал в юмористических журналах. Высмеивал [быдло](#), [небыдло](#), адептов [СПГС](#), [либералов](#), [интеллигентов](#), [большевиков](#), короче, всех, кого хотел. Естественно, был противником советской власти и эмигрировал при первом же удобном случае.

Вместе с [Тэффи](#), [Хармсом](#) и Зощенко является одним из самых юморных писателей серебряного века. Как сатирик сабж не имеет себе равных по злобности, примитивности и несправедливости нападок. Но поскольку Аверченко — гений, этого совершенно не замечаешь.

Кое-что из биографии

Всё, что мы знаем из биографии Аверченко, известно только с его слов. Так, например, мы знаем, что дед

Аверченко был атаманом шайки разбойников и содержателем постоянного двора, отец — очень хорошим человеком и крайне плохим коммерсантом.

Карьеру Аверченко начал **офисным планктоном** на Брянском каменноугольном руднике.

Из «Автобиографии»

Однажды ехал я перед Рождеством с рудника в ближайшее село и видел ряд чёрных тел, лежавших без движения на всем протяжении моего пути; попадались по двое, по трое через каждые 20 шагов.

— Что это такое? — изумился я...

— А шахтёры, — улыбнулся сочувственно возница. — Горилку куповалы у селе. Для Божьего праздничку.

— Ну?

— Тай не донесли. На мисти высмоктали. Ось как!

Прежде, чем переехать в **Петербург**, Аверченко самостоятельно издавал и редактировал несколько юмористических журналов и активно печатался в самых разных изданиях. Не забудьте об этом, собираясь покорять столицу.

На пике славы Аверченко действительно был король. Его коллега и поделница **Тэффи**, дама **въедливая и беспощадная**, описала это так: «В свите Аверченко были друзья, резавшие правду-матку и бравшие взаимы деньги, были шуты как при средневековом дворе, были и просто идиоты. И вся эта компания, как стая обезьян, говорила его тоном, с его жестами и не переставая острела... Свита сыграла дурную роль в жизни Аверченко. Она льстила, восхищаясь тем, чем восхищаться не следовало, портила его вкус, направляя в сторону дешевой рекламы, успеха дурного вкуса». Но Аверченко и потом, всегда и всю жизнь, любило абсолютное большинство читателей и даже критиков.

Октябрьскую революцию 1917 года Аверченко воспринял как глубоко личное оскорбление. См. «Дюжина ножей в спину революции», «Двенадцать портретов (в формате „Будуар“)\», «Мадам Ленина», «Мадам Троцкая» и др.), а также всё творчество в эмиграции. У оскорбления были характерные оттенки, отмеченные рецензентом-современником: «До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде — нет, не в Петрограде, а в Петербурге — за 14 с полтиной и за 50 рублей и т. д. Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он знает, вот это он пережил и перечувствовал, вот тут уже он ошибки не допустит. Знание дела и искренность — из ряда вон выходящие». Надо сказать, что В. И. **Ленин** нечасто рецензировал художественные произведения. Но злобный мизантроп Аверченко умел понравиться всем, даже врагам.

В эмиграции, как и большинство эмигрантов, Аверченко был уверен, что союзники вот-вот покончат с большевиками. Он всегда был заодно с абсолютным большинством, поэтому не знал, что **«союзники — сволочи»**.

Ненавистные дураки

Из рассказа «Пылесос»

— Пиши: «В сырой холодной местности, лишенной питьевой воды, продаются участки для постройки на них домов и усадеб. Полное отсутствие леса; почва — песок и глина. Ближайший город за двести верст. Полное бездорожье, отсутствие медицинской помощи, лихорадочная, малярийная местность. Квадратная сажень земли стоит 50 коп. При больших покупках - дороже. Лиц, желающих приобрести землю и поселиться в этом месте, просят обращаться туда-то. Контора по продаже земли в поселке Каруд».

— Господи Иисусе, — ахнул мой друг. — Кто же может откликнуться на это предложение?.. Разве только круглый дурак.

— Ну да же! Подумай, какая прелесть: это будет единственное место, где дураки соберутся в такую плотную компактную массу. Твоя земля — это пылесос, который сразу вытянет всех дураков из нашей округи... То-то хорошо дышать будет.

— Да ведь они там помирать шибко будут. Жалко...

— Дураков-то? Да пусть мрут на здоровье. Боже ты мой!

— Ну так я хоть припишу, что летом там очень прохладно.

— Ни за что! Пиши так: «Холодная бесснежная зима, жаркое, душное лето, полное отсутствие растительности...» Есть?

— Есть. Да только уж и не знаю — выйдет ли что-нибудь из этого?

Вышло.

В «Контору по продаже земель в поселке Каруд» посыпались письменные запросы.

Спрашивали:

«Действительно ли нет лесу поблизости, а если нет, то я прошу записать на мое имя четыре десятины, поскорее, потому что у меня часто пересыхает горло, и вообще в лесу мало ли что может быть!»

Один господин писал:

«Если публикация говорит правду в параграфе о песчаной каменистой почве, то я покупаю 10 десятин: мне песок и камень нужны для постройки дома. Сообщите также, как понимать выражение «лихорадочная местность»? Не в смысле ли это «лихорадочной деятельности в этой местности»?

Дама писала:

«Меня очень соблазняет отсутствие медицинской помощи. Действительно, эти доктора так дерут за визиты, а пользы ни на грош. Хорошо также, что нет воды: от нее страшно толстеешь; я пью лимонный сок и остаюсь с почтением Василиса Чиркина».

Ненавистное быдло

Из рассказа «Стихийная натура»

В оперетке, во время антракта, мы встретили двух неизвестных мне людей: Васю и Мишунчика.

По крайней мере Тугоуздов, столкнувшись с ними, так и крикнул: - Вася! Мишунчик! Тут же он с ними расцеловался. - Как подпрыгиваешь, Мишунчик? Оказалось, что Мишунчик «подпрыгивал» хорошо, потому что, не задумываясь, отвечал: - Ничего. Подъелдониваем. У русского человека считается высшим шиком пускать в ход такие слова, которых до него никто не слышал; да и он сам завтра на тот же вопрос ответит иначе... Что-нибудь вроде: "ничего, тилибонимся" или "ничего, тарарыкаем".

Из рассказа «Человек, которому повезло»

Цыркунов очень любил разные сюрпризы: то он покупал в три слова бакалейную лавку со всем товаром и дарил её нищему, который назойливо его преследовал; то он нанимал несколько десятков порожних извозчиков и велел им ехать за собой цугом, что приводило городского в крайнее изумление; однажды оба приятеля сговорились купить все билеты в оперетке и вечером сосредоточено прослушали всю пьесу в пустом зале в присутствии околоточного, которому Цыркунов подарил на память об этой затее золотой портсигар.

Ненавистное небыдло

Из рассказа «Телеграфист Надькин»

— Постой, постой! — вдруг горячо замахал руками Неизвестный человек. — А я, что ж, по-моему, если умру... Если раньше тебя, тоже все тогда исчезнет?

— Зачем же ему исчезать, — удивился Надькин, — раз я останусь жить? Если ты помрешь, — значит, помер просто, чтобы я это чувствовал и чтоб я поплакал над тобой. И, встав с земли и стоя на коленях, спросил ленкоранский лесоторговец сурово: — Значит, выходит, что и я только для тебя существую, значит, и меня нет, ежели ты на меня не смотришь? — Ты? — нерешительно промямлил Надькин. В душе его боролись два чувства: нежелание обидеть друга и стремление продолжить до конца, сохранить всю стройность своей философской системы. Философская сторона победила. — Да! — твердо сказал Надькин. — Ты тоже. Может, ты и появился на свет для того, чтобы для меня достать кулич, курицу и водку и составить мне компанию. Вскочил на ноги ленкоранский продавец... Глаза его метали молнии. Хрипло вскричал: — Подлец ты, подлец, Надькин! Знать я тебя больше не хочу!! Извольте видеть, мать меня на что рожала, мучилась, грудью кормила, а потом беспокоилась и страдала за меня?! Зачем? Для чего? С какой радости?.. Да для того, видите ли, чтобы я компанию составил безработному телеграфистишке Надькину? А?! Для него я рос, учился, с ленкоранскими лесами дело придумал, у Гикина курицу и водку на счет лесов скомбинировал. Для тебя? Провались ты! Не товарищ я тебе больше, чтоб тебе лопнуть! Нахлобучив шапку на самые брови и цепляясь полуторванной подметкой о кочки, стал спускаться Неизвестный человек с пригорка, направляясь к городу. А Надькин печально глядел ему вслед и, сдвинув упрямо брови, думал по-прежнему, как всегда он думал: "Спустится с пригорка, зайдет за перелесок и исчезнет... Потому, раз он от меня ушел, зачем ему существовать? Какая цель? Хо!" И сатанинская гордость расширила болезненное, хилое сердце Надькина и освещала лицо его адским светом.

Из рассказа «Камень на шее»

Рюмин ударил себя кулаком по лбу.

— Совсем забыл! Нашел для вас целых два урока! И условия довольно невредные... Хотите? Пампасов саркастически засмеялся. — Невредные? Рублей по двадцати в месяц? Ха-ха! Возиться с маленькими идиотами, которым только с помощью хорошего удара кулаком и можно вдолбить в голову, что дважды два — четыре. Шлепать во всякую погоду ногами, как говорится, за семь верст киселя хлебать... Прекрасная идея, что и говорить. Изумленный Рюмин опустил палитру. — Да вы ведь сами говорили... — Рюмин! — страдальчески наморщив брови, сказал Пампасов. — Я вижу, я вам надоел, я вам в тягость. Конечно, вы вырвали меня из

объятий смерти, и моя жизнь всецело в ваших руках... Ну, скажите... Может быть, пойти мне и положить свою голову под поезд или выброситься из этого окна на мостовую... Что же мне делать? В сущности, я ювелир и безумно люблю это благородное занятие... Но что делать? Где выход? Что, спрошу я, — есть у меня помещение, инструменты, золото и драгоценные камни, с которыми можно было бы открыть небольшое дело? Нет! Будь тысяч пятнадцать — двадцать... Пампасов шумно вздохнул, повалился навзничь и, подняв с полу книгу, погрузился в чтение...

Ненавистные поголовно «хорошие, в сущности, люди»

Из рассказа «Здание на песке»

Я сидел в уголку и задумчиво смотрел на них.

— Чья это ручонка? — спрашивал муж Митя жену Липочку, теребя её за руку. Я уверен, что муж Митя довольно хорошо был осведомлен о принадлежности этой верхней конечности именно жене Липочке, а не кому-нибудь другому, и такой вопрос задавался им просто из праздного любопытства... — Чья это маленькая ручонка? Самое простое — жене нужно было бы ответить: «Мой друг, эта рука принадлежит мне. Неужели ты не видишь сам?» Вместо этого жена считает необходимым беззастенчиво солгать мужу прямо в глаза: — Эта рука принадлежит одному маленькому дурачку. Не опровергая очевидной лжи, муж Митя обнимает жену и начинает её целовать. Зачем он это делает, бог его знает. Затем муж бережно освобождает жену из своих объятий и, глядя на её неестественно полный живот, спрашивает меня: — Как ты думаешь, что у нас будет? Этот вопрос муж Митя задавал мне много раз, и я каждый раз неизменно отвечал: — Окрошка, на второе голубцы, а потом — крем. Или: — Завтра? Кажется, пятница. Отвечал я так потому, что не люблю глупых, праздных вопросов. — Да нет же! — хохотал он. — Что у нас должно родиться? — Что? Я думаю, лишённым всякого риска мнением будет, что у вас скоро должен родиться ребёнок. — Я знаю! А кто? Мальчик или девочка? Мне хочется дать ему практический совет: если он так интересуется полом будущего ребёнка, пусть вскроет столовым ножиком жену и посмотрит. Но мне кажется, что он будет немного шокирован этим советом, и я говорю просто и бесцельно: — Мальчик.

Из рассказа «Альбом»

С некоторых пор у меня стали бывать гости. Ясно было, что без альбома мне не обойтись.

К сожалению, человек я не домовитый, родственники почему-то карточек мне не дарили, а если кто-нибудь и присылал свой портрет с трогательной надписью, то портрет этот попадал в руки горничной, тщеславной, избалованной женщины. Гости стали приходить ко мне всё чаще и чаще. Без альбома дело не клеилось. (...) После двух дней прилежных поисков я обнаружил на полке у одного торговца разной рухлядью громадный кожаный альбом, битком набитый самыми разнообразными карточками — как раз то, что мне было нужно. В альбоме было до двухсот портретов — все моих будущих родных, друзей и знакомых! Эта вещь могла занять моих гостей часа на два, что давало мне возможность свободно вздохнуть, и я поэтому радовался, как ребёнок. Дома я внимательно пересмотрел альбом, и — никому в мире до меня не посчастливилось сделать этого — сам выбрал себе отца, мать, тетю, дядю и двух красивых братьев. Любимых девушек было три, и я долго колебался между ними, пока не отдал сердце первой по порядку, брюнетке с красивыми чувственными глазами. (...) Я отшвырнул портрет отца и бросился к альбому... Несколько карточек уже было вынута, и я, смущённый, растерянный, без труда узнал, что моя бедная матушка сидела в тюрьме за вытравление плода у нескольких девушек, а любимые братья, эти изящные красавцы, судились в 1901 году за шулерство и подделку банковских переводов. Дядя был самый нравственный член нашей семьи: он занимался только поджогами с целью получения премии, да и то поджигал собственные дома. Он мог бы быть нашей семейной гордостью! — Эй, вы! Хозяин! — крикнул мне гость, старик. — Говорите правду: где вы взяли альбом? Я утверждаю, что этот старый альбом принадлежал когда-то сыскному отделению по розыску преступников. Я подбоченился и сказал с грубым смехом: — Да-с! Купил я его сегодня за два рубля у букиниста. Купил для вас же, для вашего развлечения, проклятые вы, нудные человечиски, глупые мучные черви, таскающиеся по знакомым, вместо того чтобы сидеть дома и делать какую-нибудь работу. Для вас я купил этот альбом: нате, ешьте, рассматривайте эти глупые портреты, если вы не можете связно выражать человеческие мысли и поддерживать умный разговор. Ты там чего хихикаешь, старая развалина?! Тебе смешно, что на обороте карточек моих родителей, родственников и друзей написано: вор, шулер, проститутка, поджигатель?! Да, написано! Но ведь это, уверяю вас, честнее и откровеннее. Я утверждаю, что у каждого из вас есть такой же альбом, с карточками таких же точно лиц, да только та разница, что на обороте карточек не изложены их нравственные качества и поступки. Мой альбом — честный откровенный альбом, а ваши — это тайное сборище тайных преступников, развратников и распутных женщин... Пошли вон!

Ненавистные особенно коллеги-литераторы

Из рассказа «Аполлон»

Первая статья, которую я начал читать, — Иннокентия Анненского — называлась «О современном лиризме».

Первая фраза была такая: «Жасминовые тирсы наших первых мэнад примихались быстро...» Мне отчасти до боли сделалось жаль наш бестолковый русский народ, а отчасти было досадно: ничего нельзя поручить русскому человеку... Дали ему в руки жасминовый тирс, а он обрадовался, и ну — махать им, пока примихал этот инструмент окончательно»

Из рассказа «Поэт»

Разинув рот, он изумленно посмотрел на меня.

— Эти стишки не подошли?! — Да, да. Эти самые. — Эти стишки?! Начинающиеся: Хотел бы я ей чёрный локон Каждое утро чесать И, чтоб не гневался Аполлон, Её волосы целовать... Эти стихи, говорите вы, не пойдут?!

Из рассказа «Трагедия русского писателя»

Прошел год.

У русского писателя была уже квартирка на бульваре Гренелль и служба на улице Марбёф; многие шоферы такси уже кивали ему головой, как старому знакомому, уже у него было свое излюбленное кафе на улице Пигаль и кабачок на улице Сен-Мишель, где он облюбовал рагу из кролика и совсем недурное «ординэр». Пришел он однажды домой после кролика, после «ординера», сел за письменный стол, подумал и, тряхнув головой, решил написать рассказ о своей дорогой родине. — Что ты хочешь делать? — спросила жена. — Хочу рассказ писать. — О чём? — О России. — О чём? — Господи боже ты мой, глуха ты, что ли? О России. — Кальмэ ву, же ву при. Что же ты можешь писать о России? — Мало ли что. Начну так: «Шел унылый, скучный дождь, который только и может идти в Петербурге. Высокий молодой человек шагал по пустынной в это время дня Дерibasовской...» — Постой, разве такая улица есть в Петербурге? — А черт его знает! Знакомое словцо. Впрочем, поставлю для верности — Невскую улицу. Итак: «Высокий молодой человек шагал по Невской улице, свернул на Конюшенную и вошел, потирая руки, к „Медведю“. — Что, холодно вам? — спросил замерзавец, подавая карточку. — О да, — возразил молодой сей господин. — Я есть большой замерзавец на свой хрупкий организм». — Послушай, — робко возразила жена, — разве есть такое слово «замерзавец»? — Ну да. Человек, который быстро замерзает, суть замерзавец. Пишу дальше: « — Очень вас прошу, — сказал этот молодой господин, — подайте мне один застегай с немножечком пуассон фрэ и одну рюмку рабиновку». — Кто такое рабиновка? — Это такое... дю водка. — А по-моему, это еврейская фамилия: Рабиновка — жена Рабиновича. — Ты так думаешь?.. Гм... Как трудно писать по-русски!

Ненавистные всем журналисты

Из рассказа «Золотой век»

По приезде в Петербург я явился к старому другу, репортеру Стремглавову, и сказал ему так:

— Стремглавов! Я хочу быть знаменитым. Стремглавов кивнул одобрителем головой, побарабанил пальцами по столу, закурил папиросу, закрутил на столе пепельницу, поболтал ногой — он всегда делал несколько дел сразу — и отвечал: — Нынче многие хотят сделаться знаменитыми. — Я не «многий», — скромно возразил я. — Василиев, чтоб они были Максимидами и в то же время Кандыбинами — встретишь, брат, не каждый день. Это очень редкая комбинация! — Ты давно пишешь? — спросил Стремглавов. — Что... пишу? — Ну, вообще, — сочиняешь! — Да я ничего и не сочиняю. — Ага! Значит — другая специальность. Рубенсом думаешь сделаться? — У меня нет слуха, — откровенно сознался я. — На что слуха? — Чтобы быть этим вот... как ты его там назвал?.. Музыкантом... — Ну, брат, это ты слишком. Рубенс не музыкант, а художник. Так как я не интересовался живописью, то не мог упомянуть всех русских художников, о чем Стремглавов и заявил, добавив: — Я умею рисовать метки для белья. — Не надо. На сцене играл? — Играл. Но когда я начинал объясняться героине в любви, у меня получался такой тон, будто бы я требую за переноску рояля на водку. Антрепренер и сказал, что лучше уж пусть я на самом деле таскаю на спине рояли. И выгнал меня. — И ты все-таки хочешь стать знаменитостью? — Хочу. Не забывай, что я умею рисовать метки! Стремглавов почесал затылок и сразу же сделал несколько дел: взял спичку, откусил половину, завернул ее в бумажку, бросил в корзину, вынул часы и, засвистав, сказал: — Хорошо. Придется сделать тебя знаменитостью. Отчасти, знаешь, даже хорошо, что ты мешаешь Рубенса с Робинзоном Крузо и таскаешь на спине рояли, — это придает тебе оттенок непосредственности. Он дружески похлопал меня по плечу и обещал сделать все, что от него зависит.

Из рассказа «Призвание»

После окончания театров, около двенадцати часов ночи, моя команда съехалась, и через час я

имел уже в своих руках три добросовестных талантливых рецензии. Оригинальность замысла сквозила в каждой из них и придавала всем трем ту своеобразную прелесть, которой не найдешь и днем с огнем в других шаблонных измышлениях рецензентов.

Рецензии были таковы:

«ФРАНЦУЗСКАЯ БОРЬБА... Сегодняшняя борьба проходила под аккомпанемент духового оркестра, который, к сожалению, нас совсем не удовлетворил. Ремесленность исполнения, отсутствие властности и такта в дирижерской палочке, некоторая сбивчивость деревянных инструментов в групповых местах и упорное преобладание меди — все это показывало абсолютное неумение дирижера справиться со своей задачей... Отсутствие воздушности, неумелая нюансировка, ломаность общей линии, прерываемой нелогичными по смыслу пьесы барабанными ударами, — это не называется серьезным отношением к музыке! Убожество репертуара сквозило в каждой исполняемой вещи... Где прекрасные Шумановские откровения, где Григ, где хотя бы наш Чайковский? Разве это можно назвать репертуаром: „Китайка“ сменяется „Ой-рой“, а „Ой-ра“ — „Хиоватой“ — и так три эти вещи — до бесконечности. И еще говорят, что серьезная музыка завоевывает себе прочное положение... Ха-ха!»

«СИМФОНИЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ... Прекрасное помещение, в котором давался отчетный концерт, вполне удовлетворило нас. На эстраде сидела целая уйма музыкантов — я насчитал шестьдесят пять человек. Впрочем, по порядку. Ровно в девять часов вечера на эстраду вышел какой-то человек, раскланялся с публикой и, схватив палочку, стал ею размахивать. Сначала он делал это лениво, еле заметно, а потом разошелся, и палочка сверкала в его руке, как бешеная. Он изгибался, вертел во все стороны свободной рукой, вертел палочку, мотал головой и даже приплясывал. Потом, очевидно, утомился... Палочка снова лениво заколебалась, изогнутая спина выпрямилась, руки поднялись кверху — и он, усталый, положил палочку на пюпитр. Музыканты тогда занялись каждый по своему вкусу: кто натирал канифолью смычок, кто выливал из трубы слюну. Передохнув, снова принялись за прежнее. Начальник размахивал палочкой и плавно, и бешено, и еле заметно, а все не сводили с него глаз, следя внимательно за его движениями. Через некоторое время симфонический концерт был таким путем закончен, и поднялась невообразимая толкотня публики...»

«ОПЕРА... Хорошая погода собрала массу спортсменов. Большое число записавшихся певцов делало невозможным угадывание фаворита, и первый заезд или, как здесь говорят — акт, — поэтому прошел особенно оживленно. Состязались в первом заезде: князь Игорь (камзол красный, рукава синие), княгиня Ярославна (камзол серебристый, рукава белые) и Владимир Галицкий (голубое с черным). Первой весьма заметно стала выдвигаться в дуэтах с „Игорем“ „Ярославна“, но на прямой „Игорь“ вырвался, стал ее догонять и, к концу дуэта, оба пришли голова в голову. Приятное впечатление произвело появление настоящей лошади (гнедая кобыла зав. Битягина, от „Васьки“ и „Снежинки“, как нам удалось узнать, за кулисами, на паддоке). Скакал на ней Игорь (камзол красный, рукава синие)...»

Из рассказа «Специалист по военному делу»

Прежний «военный обозреватель» поссорился с редактором и ушел.

Он обиделся на редактора за то, что последний сказал ему: — Какую вы написали странность: «Австрийцы беспрерывно стреляли в русских из блиндажей, направляя их в них». Что значит «их в них»? — Что же тут непонятного? Направляя их в них, — значит, направляя блиндажи в русских? — Да разве блиндаж можно направлять? — Отчего же, — пожал плечами военный обозреватель, — ведь он же подвижен. Если из него нужно прицелиться, то он поворачивается в необходимую сторону. — Вы, значит, думаете, что из блиндажа можно выстрельнуть? — Отчего же... конечно, кто хочет — может выстрелить, а кто не хочет — может не стрелять. — Спасибо. Значит, по-вашему, блиндаж — нечто вроде пушки? — Не по-моему это, а по-военному! — вспылил обозреватель. — Что вы, издеваетесь надо мной, что ли? Во всякой газете встретите фразы: «Русские стреляли из блиндажей», «немцы стреляли из блиндажей»... Осел только не поймет, что такое блиндаж!

Ненавистные большинству футуристы

Из рассказа «Ихневмоны»

Когда я, раздевшись, вошел в первую выставочную комнату, то нерешительно поманил пальцем билетного контролера и спросил:

— А где же картины? — Да вот они тут висят! — ткнул он пальцем на стены. — Все тут. — Вот эти? Эти — картины? Стараясь не встретиться со мной взглядом, билетный контролер опустил голову и прошептал: — Да. По пустынным залам бродили два посетителя с испуганными, встревоженными лицами. — Эт-то... забавно. Интер-ресно, — говорили они, пугливо косясь на стены. — Как тебе нравится вот это, например? — Что именно? — Да вот там висит... Такое, четырехугольное. — Там их несколько. На какую ты показываешь? Что на ней нарисовано? — Да это вот... такое зеленое. Руки такие черные... вроде лошади. — А! Это? Которое на мельницу похоже? Которое по каталогу называется "Абиссинская девушка"? Ну, что ж... Очень мило! Один из них наклонился к уху другого и шепнул: — А давай убежим!

Нужно отдать справедливость **юному маэстро** с розовой сыпью — красок он избегнул самым положительным образом: на стене висел металлический черный поднос, посредине которого была прикреплена каким-то клейким веществом небольшая дохлая крыса. По бокам ее меланхолически красовались две конфетные бумажки и четыре обгорелые спички, расположенные очень приятного вида зигзагом.

— Чудесное произведение, — похвалил я, полюбовавшись в кулак. — Сколько в этом настроения!.. «Сумерки **насущного**»... Да-а... Не скажи вы мне, как называется ваша картина, я бы сам догадался: э, мол, знаю! Это не что иное, как «Сумерки **насущного**»! Крысу сами поймали?

— Сам.

— Чудесное животное. Жаль, что дохлое. Можно погладить?

— Пожалуйста.

Я со вздохом погладил мертвое животное и заметил:

— А как жаль, что подобное произведение непрочно... Какой-нибудь там Веласкес или Рембрандт живет сотни лет, а этот шедевр в два-три дня, гляди, и испортится.

— Да, — согласился художник, заботливо поглядывая на крысу. — Она уже, кажется, разлагается. А всего только два дня и провисела. Не купите ли?

— Да уж и не знаю, — нерешительно взглянул я на левого. — Куда бы ее повесить? В столовую, что ли?

— Вешайте в столовую, — согласился художник. — Вроде этакого натюрморта.

— А что, если крысу освежать каждые два-три дня? Эту выбрасывать, а новую ловить и вешать на поднос?

— Не хотелось бы, — поморщился художник. — Это нарушает самоопределение артиста. Ну, да что с вами делать! Значит, покупаете?

(...)

— Да уж так у меня полагается. У каждого, как говорится, свое. Вы бросите на поднос дохлую крысу, пару карамельных бумажек и говорите: это картина. Хорошо! Я согласен! Это картина. Я у вас даже купил ее. «Американца в Москве» тоже купил. Это ваш способ. А у меня свой способ чествовать молодые, многообещающие таланты: я обмазываю их малиновым вареньем, посыпаю конфетти и, наклеив на щеки два куса бумаги от мух, усаживаю чествуемых на почетное место. Есть вы будете особый салат, приготовленный из кусочков обоев, изрубленных зубных щеток и теплого вазелина. Не правда ли, оригинально? Запивать будете свинцовой примочкой. Итак, будьте добры, разденьтесь. Эй, люди! Приготовлено ли варенье и конфетти?

— Да нет! Мы не хотим... Вы не имеете права...

— Почему?!

— Да что же это за бессмыслица такая: взять живого человека, обмазать малиновым вареньем, обсыпать конфетти! Да еще накормить обоями с вазелином... Разве можно так? Мы не хотим. Мы думали, что вы нас просто кормить будете, а вы... мажете. Зубные щетки рубленные даете... Это даже похоже на издевательство!.. Так нельзя. Мы жаловаться будем.

— Как жаловаться? — яростно заревел я. — Как жаловаться? А я жаловался кому-нибудь, когда вы мне продавали **пятиногих синих свиней** и кусочки жести на деревянной доске? Я отказывался?! Вы говорили: мы самоопределяемся. Хорошо! Самоопределяйтесь. Вы мне говорили — я вас слушал. Теперь моя очередь... Что?! Нет уж, знаете... Я поступал по-вашему, я хотел понять вас — теперь понимайте и вы меня. Эй, люди! Разденьте их! Мажь их, у кого там варенье. Держите голову им, а я буду накладывать в рот салат... Стой, брат, не вырвешься. Я тебе покажу сумерки **насущного**! Вы самоопределяетесь — я тоже хочу самоопределиваться...

Ненавищенное интеллигентам правительство

— Сегодня, проходя по улице, я видел слепого старика... Он шел, ощупывая руками и палкой дома, и ежеминутно рисковал попасть под колеса экипажей. И никому не было до него дела... Я хотел бы издать закон, по которому в слепых прохожих должна принимать участие городская полиция. Полисмен, заметив идущего слепца, обязан взять его за руки и заботливо проводить до дому, охраняя от экипажей, ям и рытвин. Нравится вам мой закон?

— Вы добрый парень, — устало улыбнулся король. — Да поможет вам Бог. А я пойду спать. — И, уходя, загадочно добавил: — Бедные слепцы... Уже три дня королевствовал скромный писатель Аве. Нужно отдать ему справедливость — он не пользовался своей властью и преимуществом своего положения. Всякий другой человек на его месте засадил бы критиков и других писателей в тюрьму, а народонаселение обязал бы читать только свои книги — и не менее одной книги в день, на каждую душу, вместо утренних булок. Аве поборол соблазн издать такой закон. Дебютировал он, как и обещал королю, "законом о провозжании полисменами слепцов и об охранении сих последних от разрушительного действия внешних сил, как-то: экипажи, лошади, ямы и проч.". Однажды (это было на четвертый день утром) Аве стоял в своем королевском кабинете у окна и рассеянно смотрел на улицу. Неожиданно внимание его было привлечено страшным зрелищем: два полисмена тащили за шиворот

прохожего, а третий пинками ноги подгонял его сзади. С юношеским проворством выбежал Аве из кабинета, слетел с лестницы и через минуту очутился на улице. — Куда вы его тащите? За что бьете? Что сделал этот человек? Скольких человек он убил? — Ничего он не сделал, — отвечал полисмен. — За что же вы его и куда гоните? — Да ведь он, ваша милость, слепой. Мы его по закону в участок и волокем. — По за-ко-ну? Неужели есть такой закон? — А как же! Три дня тому назад обнаружен и вступил в силу.

Из рассказа «История болезни Иванова»

Однажды беспартийный житель Петербурга Иванов вбежал, бледный, растерянный, в комнату жены и, выронив газету, схватился руками за голову.

— Что с тобой? — спросила жена. — Плохо! — сказал Иванов. — Я левею. — Не может быть! — ахнула жена. — Это было бы ужасно... тебе нужно лечь в постель, укрыться тёплым и натереться скипидаром. — Нет... что уж скипидар! — покачал головой Иванов и посмотрел на жену блуждающими, испуганными глазами. — Я левею! — С чего же это у тебя, горе ты моё?! — простонала жена. — С газеты. Встал я утром — ничего себе, чувствовал всё время беспартийность, а взял случайно газету... — Ну? — Смотрю, а в ней написано, что в Ченстохове губернатор запретил читать лекцию о добывании азота из воздуха... И вдруг — чувствую я, что мне его не хватает... — Кого это? — Да воздуху же!.. Подкатило под сердце, оборвалось, дёрнуло из стороны в сторону... Ой, думаю, что бы это? Да тут же и понял: левею! — Ты б молочка выпил... — сказала жена, заливаясь слезами. — Какое уж там молочко... Может, скоро баланду хлебать буду! Жена со страхом посмотрела на Иванова. — Левеешь? — Левею... — Может, доктора позвать? — При чём тут доктор?! — Тогда, может, пристава пригласить? Как все почти больные, которые не любят, когда посторонние подчёркивают опасность их положения, Иванов тоже нахмурился, засопел и недовольно сказал: — Я уж не так плох, чтобы пристава звать. Может быть, отойду.

Из рассказа «Бедствие»

Перед директором департамента стоял чиновник и смущённо докладывал:

- Мы получили самые верные сведения...Сомнений больше нет никаких! Таки лезут из земли. - Что ж это они так... Недоглядели, что ли? - Да что ж тут доглядывать, ваше пр-во. Дело Божье! - Конечно, Божье... Но ведь и пословица говорит: на Бога надейся, а сам не плошай. А вы говорите- лезут?! Что же лезет больше? - Многое лезет, ваше пр-во... Рожь, пшеница... - Но я не понимаю...Теперь, когда агрономическая культура сделала такие шаги, неужели нельзя принять какие-нибудь меры? - Какие меры, ваше пр-во? - Чтоб они не лезли, эти самые пшеницы, ржи и прочее. - Тут уж ничего не поделаешь. Раз полезло из земли - с ним не справишься. Зерно маленькое-маленькое, а силища в нём громадная! Нет уж, видно судьба такая, чтобы быть урожаю! - Ну, а мужики что? - Да что ж мужики - плачут. Сколько лет уже, говорят, не было этих самых урожаев, а тут - разгневался Господь - послал.

Ненавистные люто, бешено большевики

Не могу цитировать — ненависть зашкаливает...

Нас уверяют медики, есть люди, в убийстве находящие приятность. При этом чем жутче монстр, тем нежнее он любит что-нибудь маленькое, белое и пушистое. Аверченко вполне укладывается в эту схему. Вот некоторые объекты его сентиментальной привязанности.

Нежно любимые друзья невозвратной юности

Из повести «Шутка Мецената»

— Должен вам сказать, что вы все — смертельно мне надоели.

— Меценат! Полечите печень. — Совет неглупый. Только знаешь, Мотылёк, какое лучшее лекарство от печени? — Догадываюсь: всех нас разогнать. — Вот видишь, почему я так глупо привязан к вам: вы понимаете меня с полуслова. Другим бы нужно было разжёвывать, а вы хватаете всё на лету. — Ну, что ж... разгоните нас. А через два-три дня приползёте к нам, как угрюмый крокодил с перебитыми лапами, начнёте хныкать — и снова всё пойдёт по-старому. — Ты, Мотылёк, циничен, но не глуп. — О, на вашем общем фоне не трудно выделиться. — Цинизмом? — Умом. — Меня интересует один вопрос: любите вы меня или нет? — Попробуйте разориться — увидите! — Это опасный опыт: разориться не шутка, а потом, если увижу, что вы все свиньи, любящие только из-за денег, — опять-то разбогатеть будет уже трудно! — Я вас люблю, Меценат. — Спасибо, Кузя. Ты так ленив, что эти четыре слова, выведенные безо всякого принуждения, я ценю на вес золота.

Из повести «Подходцев и двое других»

Сейчас же после Пасхи — «первой буржуазной Пасхи» — как называл ее Клинков, Громов

уехал на завод летним практикантом. Все лето Подходцев и Клинков вели жизнь сиротливую, унылую, забрасывали «практиканта» письмами, наполненными самыми чудовищными советами, наставлениями и указаниями по поводу ведения дел на заводе, заклинали Громова возвратиться поскорей, а в последнем письме написали, что доктора приговорили Клинка к смерти и что приговоренный хотел бы испустить последний вздох на груди друга («Если грудь у тебя еще не стерлась от работы», — добавлял Подходцев...). Этого Громов не мог больше выдержать: ликвидировал свои заводские дела и вихрем прилетел в теплое гнездо. Случилось так, что к моменту его приезда все средства друзей пришли в упадок, и только этим можно было объяснить ту мрачную окраску, которую принял разговор. Выслушав Подходцева, Громов сделал рукой умиротворяющий жест и добродушно сказал:

— О, стоит ли обо мне так заботиться... Пара бутылок шампанского, котлетка из дичи да скромная прогулка на автомобиле — и я совершенно буду удовлетворен. Подходцев, не слушая его, продолжал плакаться. — Что делать? Где выход? Впереди зияющая бездна нищеты, сзади — разгул, пороки и кутежи, расстроившие мое здоровье... — Чего ты, собственно, хочешь? — спросил его, кусая ногти, толстый Клинков. — Я хотел бы и дальше расстраивать свое здоровье кутежами.

Любимый и модный в «серебряном веке» тип женщин

Из рассказа «Обыкновенная женщина»

- Слушай, - прошелестела она мне на ухо, прижимаясь ко мне. - Я сказала тебе, какой ты...

- Ну? - Теперь ты скажи мне, какая я? - Ты? Зовут тебя Зоя, ты ниже среднего женского роста, волосы у тебя очень хорошие, груди немного полнее, чем бы следовало, а ноги немного короче, чем это требуется правилами женского сложения. Но и то и другое - следствие твоего роста. Таковы уж все маленькие женщины. Глаза красивые, но поставлены друг к другу ближе, чем следует. Ручка малюсенькая, но ногти, хотелось бы, чтобы были поуже. Она встала и отшатнулась от меня, бледная, с широко раскрытыми, остановившимися глазами. - Пстой! И ты осмеливаешься говорить, что любишь меня?! Меня, с большой грудью, с короткими ногами, с широкими ногтями - ты говоришь, что любишь меня?! Она упала на диван, и слезы, как вешние воды с гор, хлынули из глаз ее. А я сидел, задумчиво опершись подбородком о свою спокойную холодную руку, и внимательно рассматривал плачущую женщину. И думал: "Понять женщину легко, но объяснить ее трудно. Какое это нечеловеческое, выдуманное чьей-то разгоряченной фантазией существо! Что может быть общего между мной и ею, кроме физической близости и примитивных домашних интересов?" А она рыдала, исходила слезами, изредка ударяясь головой о собственные, сложенные на спинке дивана руки: - А я-то, глупая, думала все время, что мы созданы друг для друга!! Еще давеча, когда к чаю подали печенье и ты выбирал только соленое, то я подумала: Господи, как много между нами общего, хым...хым... - Между нами - общее?! Что за ересь говоришь ты? С какой стороны мы похожи друг на друга? Я - большой, толстый, сильный, ты - маленькая, хрупкая, закутанная в кружевные тряпки и ленты. Я дымлю папиросами, как фабричная труба. Ты задыхаешься от этого дыма, как моль от нафталина. Попробуй надеть на меня то, что носите вы: туфли на высоченных каблуках, паутинные панталоны, кофточку из кисеи, корсет. Я сделаю несколько шагов и последовательно: упаду, простужусь насмерть и задохнусь от корсета, одним словом - погибну. Ну, что же общего между нами? А попробуй надеть мужской костюм на хорошо сложенную женщину - и спереди и сзади это будет так нехудожественно, так неэстетично... Правда, худые женщины могут надевать мужской костюм, но это только тогда, когда у них нет ни груди, ни бедер, то есть когда они похожи на мужчину. Она подняла на меня страдающие, заплаканные глаза... - Это все пустяки, все внешние различия, а я говорю о духовном сродстве.

Любимые всеми дети

Из рассказа «Дети»

Дети любят всё приятное. Значит, нужно сделать им что-нибудь исключительно приятное.

— Дети! — сказал я внушительно. — Я вам запрещаю — слышите ли, категорически и без отнекиваний запрещаю вам в эти три дня учить уроки! Крик недоверия, изумления и радости вырвался из трёх грудей. О! Я хорошо знал привязчивое детское сердце. В глазах этих милых мальчиков засветилось самое недвусмысленное чувство привязанности ко мне, и они придвинулись ближе. Поразительно, как дети обнаруживают полное отсутствие любознательности по отношению к грамматике, арифметике и чистописанию. Из тысячи ребят нельзя найти и трёх, которые были бы исключением... За свою жизнь я знал только одну маленькую девочку, обнаруживавшую интерес к наукам. По крайней мере, когда бы я ни проходил мимо её окна, я видел её склоненной над громадной не по росту книжкой. Выражение её розового лица было совершенно невозмутимо, а глаза от чтения или от чего другого утратили всякий смысл и выражение. Нельзя сказать, чтобы чтение прояснило её мозг, потому что в разговоре она употребляла только два слова: «Папа, мама», и то при очень сильном нажатии груди. Это, да ещё уменье в лежачем положении закрывать глаза составляло

всю её ценность, обозначенную тут же, в большом белом ярлыке, прикрепленном к груди: «7 руб. 50 коп.» Повторяю — это была единственная встреченная мною прилежная девочка, да и то это свойство было навязано ей прихотью торговца игрушками. Итак, всякие занятия и уроки были мной категорически воспрещены порученным мне мальчуганам. И тут же я убедился, что пословица «запрещённый плод сладок» не всегда оправдывается: ни одни из моих трёх питомцев за эти дни не притронулся к книжке!

Из рассказа «Страшный мальчик»

Пятнадцати лет от роду мы все начали «страдать».

Это — совершенно своеобразное выражение, почти не поддающееся объяснению. Оно укоренилось среди всех мальчишек нашего города, переходящих от детства к юности, и самой частой фразой при встрече двух «фрайеров» (тоже южное аргю) было: — Дрястуй, Серёжка. За кем ты стрядаешь? — За Маней Огнёвой. А ты? — А я ещё ни за кем. — Ври больше. Что же ты, другу боишься сказать, что ли ча? — Да мне Катя Капитанаки очень привлекает. — Врёшь? — Накарай мне господь. — Ну, значит, ты за ней стрядаешь. Уличённый в сердечной слабости, «страдалец за Катей Капитанаки» конфузится и для сокрытия прелестного полудетского смущения загибает трёхэтажное ругательство.

Из рассказа «Трава, примятая сапогом»

— Как ты думаешь, сколько мне лет? — спросила небольшая девочка, перепрыгивая с одной ноги на другую, потряхивая темными кудрями и поглядывая на меня сбоку большим серым глазом...

— Тебе-то? А так я думаю, что тебе лет пятьдесят. — Нет, серьезно. Ну, пожалуйста, скажи. — Тебе-то? Лет восемь, что ли? — Что ты! Гораздо больше: восемь с половиной. — Ну?! Порядочно. Как говорится: старость не радость. Небось и женишка уже припасла? — Куда там! (глубокая поперечная морщина сразу выползла на её безмятежный лоб). Разве теперь можно обзаводиться семьёй? Всё так дорого. — Господи Боже ты мой, какие солидные разговоры пошли!.. Как здоровье твоей многоуважаемой куклы? — Покашливает. Я вчера с ней долго сидела у реки. Кстати, хочешь, на речку пойдём, посидим. Там хорошо: птички поют. Я вчера очень комичную козявку поймала. — Поцелуй её от меня в лапку. Но как же мы пойдём на речку: ведь в той стороне, за рекой, стреляют. — Неужели ты боишься? Вот еще глупый. Ведь снаряды не долетают сюда, это ведь далеко. А я тебе зато расскажу стих. Пойдём? — Ну, раз стих — это дело десятое. Тогда не лень и пойти.. По дороге, ведя меня за руку, она сообщила: — Знаешь, меня ночью комар как укусит, за ногу. — Слушаю-с. Если я его встречу, я дам ему по морде. — Знаешь, ты ужасно комичный. — Ещё бы. На том стоим. На берегу реки мы преутоно уселись на камушке под развесистым деревцом. Она прижалась к моему плечу, прислушалась к отдалённым выстрелам, и снова та же морщинка озабоченности и вопроса, как гнусный червяк, всползла на чистый лоб. Она потёрлась порозовевшей от ходьбы щечкой о шершавую материя моего пиджака и, глядя остановившимися глазами на невозмутимую гладь реки, спросила: — Скажи, неужели Ватикан никак не реагирует на эксцессы большевиков?

Любимые, надо думать, вместо животных, рабочий класс, солдаты и трудовое крестьянство

Из рассказа «Черты из жизни рабочего Пантелея Грымзина»

Ровно десять лет тому назад рабочий Пантелей Грымзин получил от своего подлого гнусного хозяина кровопийцы поденную плату за 9 часов работы — всего два с полтиной!!! «Ну, что я с этой дрянью сделаю?.. — горько подумал Пантелей, разглядывая на ладони два серебряных рубля и полтину медью... — И жрать хочется, и выпить охота, и подмётки к сапогам нужно подбросить, старые — одна, вишь, дыра... Эх, ты жизнь наша распрокаторжная!!!» Зашёл к знакомому сапожнику: тот содрал полтора рубля за пару подмёток.

— Есть ли на тебе крест-то? — саркастически осведомился Пантелей. Крест, к удивлению ограбленного Пантелея, оказался на своём месте, под блузой, на волосатой груди сапожника. «Ну, вот остался у меня рупь-целковый, — со вздохом подумал Пантелей. — А что на него сделаешь? Эх!..» Пошел и купил на целковый этот полфунта ветчины, коробочку шпрот, булку французскую, полбутылки водки, бутылку пива и десяток папирос, — так разошёлся, что от всех капиталов только четыре копейки и осталось. И когда уселся бедняга Пантелей за свой убогий ужин — так ему тяжело сделалось, так обидно, что чуть не заплакал. — За что же, за что... — шептали его дрожащие губы. — Почему богачи и эксплуататоры пьют шампанское, ликёры, едят рябчиков и ананасы, а я, кроме простой очищенной, да консервов, да ветчины — света Божьего не вижу... О, если бы только мы, рабочий класс, завоевали себе свободу!.. То-то мы бы пожили по-человечески!.. Однажды, весной 1920 года рабочий Пантелей Грымзин получил свою поденную плату за вторник: всего 2700 рублей. «Что ж я с ними сделаю, — горько подумал Пантелей, шевеля на ладони разноцветные бумажки. — И подмётки к сапогам нужно подбросить, и жрать, и выпить чего-нибудь — смерть хочется!» Зашёл Пантелей к сапожнику,

сторговался за две тысячи триста и вышел на улицу с четырьмя сиротливыми сторублёвками. Купил фунт полубелого хлеба, бутылку ситро, осталось 14 целковых... Приценился к десятку папирос, плюнул и отошёл. Дома нарезал хлеба, откупорил ситро, уселся за стол ужинать... и так горько ему сделалось, что чуть не заплакал. — Почему же, — шептали его дрожащие губы, — почему богачам всё, а нам ничего... Почему богач ест нежную розовую ветчину, объедается шпротами и белыми булками, заливает себе горло настоящей водкой, пенным пивом, курит папиросы, а я, как пёс какой, должен жевать черствый хлеб и тянуть тошнотворное пойло на сахарине!.. Почему одним всё, другим — ничего?.. Эх, Пантелей, Пантелей... Здорового ты дурака сваял, братец ты мой!...

Из рассказа «Балтийский матрос»

Шли однажды по Невскому два декольтированных матроса в лаковых туфлях- Никита Шкляренко и Егор Бондарь... Беседовали о своих неоматросских делах.

-Говорят, что теперь самое модное- какой-то фэйф-о-клок чертячий. А где его купить и на кое место нацепить - так никто и не знает. И наткнулись они в этот момент на группу людей, окруживших кого-то. -А ну расступись, шпана - гордо сказал Егор Бондарь.- У чём тут дело? - Мальчишка с голоду на мостовой помирает, вот тебе и дело. Бондарь притих немного. - Чего ж это он! Неужто есть так-таки совсем нечего? - Кому как, - ответил из группы едкий голос. - Которые с брошками на грудях, лаком на лапах - те едят первый сорт. А настоящий народ шибко мрёт. -А что ж я, по-твоему, не настоящий народ? - обиделся Бондарь. - Ты? Да ты бы в зеркало на себя поглядел. - Шкляренко обернулся на друга, поглядел на него новыми, свежими глазами и вдруг шумно расхохотался: - А ведь и верно - чучело с огорода. - А ты себя-то видел? Потом Шкляренко сделался серьёзен. - Скидывай брошку: отдай мальчишке! Скидывай усё. Айда на корабль- рожки мыть. Я им, сволочам, покажу ихний коммунизм! До чего довели, а? Простите, православные, а мы это усё по-новому справим!

Из рассказа «Полевые работы»

Поселяне между тем с песнями приблизились к нам. Пели, очевидно, старинную местную песню:

«Эх ты, проволока -
Д-металлическая,
Эх, кормилица
Ты мужицкая!
Срежу я тебя
Со столба долой,
В городе продам -
Парень удалой!..»

Увидев меня, все сняли шапки. — Бог в помощь! — приветливо пожелал я. — Спасибо на добром слове. — Работать идёте? — Это уж так, барин. — Нешто православному человеку возможно без работы. Не лодыри какие, слава тебе господи. — Косить идёте? — А как же. На Ерёмином участке еще вчерась проволока взошла. — Как же вы это делаете? — Эх, барин, нешто сельских работ не знаешь? Спервоначалу, значит, ямы копают, потом столбы ставят. Мы, конечно, ждём, присматриваемся. А когда, значит, проволока взойдёт на столбах, созреет — тут мы её и косим. Девки в бунты скручивают, парни на подводы грузят, мы в город везём. Дело простое. Сельскохозяйственное.

Мемы

Мемы из Аверченко имеют хождение в большинстве случаев только среди Grammar Nazi. Но от этого они хуже не становятся.

«Она схватила ему за руку и неоднократно спросила, где ты девал деньги?»

Рубрика «Почтовый ящик» журнала «Сатирикон». Ответ редактора тоже мем: «Иностранных произведений не печатаем».

Алсо, был упомянут у [Стругацких](#) в романе «Хромая судьба», а также, несколько переиначенная, в винрарнейшем «Граде обреченном» как реплика [ЕРЖ](#) Изи Кацмана «Она схватила ему за руку и неоднократно спросила, где ты девал папку?»

И всё заверте...

«**И всё заверте...**» — фраза, обозначающая неумолимое и быстрое развитие событий. Происходит из рассказа Аверченко «[Неизлечимые](#)», где [молодой, динамично развивающийся](#) писатель заканчивал ею короткое предисловие и [сворачивал](#) свой [рассказ на тему ебли](#).

Эпиграфом сему было: «Спрос на порнографическую литературу упал. Публика начинает интересоваться

сочинениями по истории и естествознанию».

Исходный порнографический текст:

...Темная мрачная шахта поглотила их. При свете лампочки была видна полная волнующаяся грудь Лидии и ее упругие бедра, на которые Гремин смотрел жадным взглядом. Не помня себя, он судорожно прижал ее к груди, и всё заверте...

Историческая переделка:

Боярышня Лидия, сидя в своем тереме старинной архитектуры, решила ложиться спать. Сняв с высокой волнующейся груди кокошник^[2], она стала стягивать с красивой полной ноги сарафан, но в это время распахнулась старинная дверь и вошел молодой князь Курбский.

Затуманенным взором, молча, смотрел он на высокую волнующуюся грудь девушки и её упругие выпуклые бедра. — Ой, ты, гой, еси! — воскликнул он на старинном языке того времени. — Ой, ты, гой, еси, исполать тебе, добрый молодец! — воскликнула боярышня, падая князю на грудь, и — всё заверте...

Естественнонаучная переделка:

Небольшая стройная муха с высокой грудью и упругими бедрами ползла по откосу запыленного окна.

Звали её по-мушиному — Лидия. Из-за угла вылетела большая черная муха, села против первой и с еле сдерживаемым порывом страсти стала потирать над головой стройными мускулистыми лапками. Высокая волнующаяся грудь Лидии ударила в голову черной мухи чем-то пьянящим... Простёрши лапки, она крепко прижала Лидию к своей груди, и всё заверте...

Кнедлики

Из сборника «Чехо-Словакия». Аверченко пытался [из спортивного интереса вывести из себя](#) неизменно вежливых и приятных чехов. Нападки на их правительство, Прагу и чешский быт ничего не дали.

Я кричал, жестикулировал, выдумывал самые тяжёлые вещи — чехи были неизменно вежливы, кротки и безмятежны. Я головой бился об эту каменную стену деликатности, я охрип и, наконец, не найдя больше других недостатков, ворчливо сказал:

— И потом мне совершенно не нравятся ваши...

Я боюсь даже написать произнесённое мною слово, потому что — едва это слово прозвучало — с моими компаньонами произошла разительная, волшебная перемена... Лица их налились кровью, глаза засверкали негодованием, и мужественные кулаки, как молоты, застучали по безвинному столу:

— Вы у нас в Чехии гость! — загремели голоса. — И поэтому невежливо говорить в Чехии такие вещи! Если вам не нравится — уезжайте к себе в Россию!

Господи! За что они так на меня напали? Ведь я только сказал, что мне не нравится такая простая вещь, как...

Это и были кнедлики.

Хочу еще!

Рассказы и повести Аверченко можно почитать [здесь](#).

А посмотреть чтение рассказа Аверченко «Поэма о голодном человеке», переведенного на английском языке, выдающимся и расово верным нью-йоркским артистом Спайки Эплсом — [здесь](#).

Примечания

1. ↑ Краткую биографию Аверченко можно прочитать [здесь \[1\]](#) или где угодно
2. ↑ На минуточку, кокошник — [это головной убор](#). А сарафан надевают и снимают через голову. Аверченко — сатирический писатель — смеется над кокошником вместе с нами.

Графоман

Dsa69 Аверченко Айн Рэнд Акунин Александр Никонов Александр Солженицын
Аллен Карр Арбатова Аркадий Давидович Асов Багиров Белобров-Попов
Беркем аль Атоми Болашенко Бомарше Борис Соколов Бригадир Бродский Рей Брэдбери
Михаил Булгаков Бушков Вадим Чернобров Вася Ложкин Веллер Владимир Высоцкий
Владимир Сорокин Вольтер Галковский Гарри Гаррисон Глуховский Лавкрафт
Голубицкий Григорий Горин Гриценко Гришковец Даниил Хармс Денис Черевичник
Дивов Дидро Дмитрий Горчев Довлатов Донцова Достоевский Евгений Понасенков
Евгений Шестаков Еськов Жан-Жак Руссо Женя Духовникова Иван Охлобыстин
Игорь Губерман Илья Кормильцев Илья Масодов Илья Эренбург Истархов Карел Чапек
Карлос Кастанеда Кафка Кен Кизи Стивен Кинг Клайв Баркер Климов Кобра киллер
Константин Крылов Ольга Корженёва Коэльо Крапивинский мальчик Купцов Лавей
Латынина Леонид Каганов Лесь Подервянский Ежи Лец Ли Вонг Ян Линор Горалик
Льюис Кэрролл Макс Фрай Максим Калашников Маркиз де Сад Махмуд Отар-Мухтаров
Маяковский Минаев Михаил Жванецкий Набоков Начинаящий писатель Невзоров
Юрий Никитин Нострадамус Олдос Хаксли Олег Т. Омар Хайям Пейсатель Пелевин
Переслегин Пернилла Стальфельт Ник Перумов Петр Мамонов Петрарка Эдгар Аллан По
Протопопов Проханов

История

1917 28 героев-панфиловцев 3,62 We Wuz Kangz Авария в Уиндскейле Аверченко
Александр II Александр Македонский Александр Невский Александр Суворов
Алексей Михайлович Англо-бурская война АПЛ «Курск» Арабо-израильские войны
Арктические конвои Афганская война Бальдур фон Ширах Бандеролец Барак Обама
Батка Махно Белоруссия/История Берия Берлинская стена Бесмысленный и беспощадный
Блез Паскаль Блокада Ленинграда Бокасса Бомарше Бомбардировка Дрездена
Борис Соколов Братание Брежнев Бросок на Приштину Бушков Вавилон Ван дер Люббе
Вежливые люди Векослав Лубурич Великая Отечественная война
Великая французская революция Ветеран Куликовской битвы Ветхозаветные мемы Викинги
Вителлий Власовцы Военная операция в Сирии Война в Южной Осетии Вольтер
Восьмидесятые Вьетнамская война Гай Марий Галльское нашествие на Рим
Гармодий и Аристокитон ГДР Геббельс Гелиогабал Генерал Мороз Геноцид армян
Геноцид в Руанде Герман Геринг Гетто Гитлер Гладиаторы Говно мамонта Голодомор
Госдеп Гражданская война в России Гражданская война в США Дальневосточная республика
Девяностые Декарт Дело Дрейфуса Десятые Децимация Джон Кеннеди Джордж Буш
Дидро Дикий Запад Динозавры Долбославие Дональд Трамп Дракула
Древнерусские мемы Древний Египет Древний Рим Древняя Греция Евгений Понасенков
Египетские пирамиды Ежов Екатерина II Ельцин Жан-Жак Руссо Жанна д'Арк
Железный занавес Жуков Загнивающий капитализм Заговор генералов Заговор Катилины
Закручивать гайки Зоя Космодемьянская

w:Аверченко, Аркадий Тимофеевич